

Феникс

ОМУТ

Стихи

Оренбург
2020

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Б 91

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии
Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Валентина Буракова (Феникс). Омут. Стихи.—
Оренбург: Издательский центр МВГ, 2020.— 92 с.

ISBN 978-5-907297-31-9

12+

© Валентина Буракова (Феникс), Стихи, 2020 г.
© Издательский центр МВГ, 2020 г.

* * *

Если бы тогда, в городском парке,
они умели говорить,
То сказали б, что мы смотрелись бы неплохо,
Что я могла бы проводить
Тебя до твоего порога.

Они могли бы рассказать,
Что мы так ладим хорошо
И что могли бы мы гулять,
Покуда солнце не взошло.

И мы могли бы убежать
От душного презрения людского.
Но ты об этом не узнаешь
От птиц из парка городского.

* * *

Метафоры разбиты в единицы,
Сравненья, канувшие в Лету.
Я никогда тебя не видел городской птицей,
А только бабочкой, стремящейся к небу.

На фоне солнца в мрак погружают тёмные
тонкие крылья,
Они, как проход в другой мир, мерцают,
Но только вот не светом, а тлеющими
угольками под слоем пыли,
Дрожащие, горящие чем-то скрытым,
за ними следовать принуждают.

Парадокс заключается в красоте
на фоне бледной луны,
Покрытой кратерами на, казалось,
гладкой поверхности лжи,
Порождающей правду и похоть,
и малостыдные грехи,
Как пара семян пшеницы в огромном поле ржи.

Безумный мир заблуждается
в своих порядках белых
И, улыбаясь, жадно порочные законы блюдёт.
А я смотрю на поражённое раненое небо
И вижу тебя — ту бабочку, что никогда не умрёт.

* * *

В нирване пробуждаются раскаты грома.
И молния, делящая на тысячи кусочков небо,
ветвится.
Я знаю, ты сейчас в постели, дома,
И тебе не спится.

Заботливо окутал дождь края оконной рамы,
Он начисто сотрёт невзгоды и падения.
Он пусть расстроит всей планеты планы,
Но принесёт тебе благие сновидения.

Мы разбрелись по персонажам сложным,
Их души принимая за свои,
В прохожих лицах ищем не похожих,
А только тех, чьи души так же, как и наши,
умирают от тоски.

Сбежать бы рады, скованные масками, словами,
Для всех поверженные будто бы повстанцы.
Мы раньше за поступки отвечали головами,
Сейчас же отвечаем мы за тех,
кем так хотим казаться.

Не бегаем, пороги обивая до треклятой крови,
Барахтаясь на месте, довольные движеньем,
Защита прав, но не идём мы вровень.
Теперь и боль — верх человеческого достижения?

Чего же все сейчас так патентуют модное клише
И плачут, улыбаясь, словно бы безумцы,
Конечно, перед этим не забыв о запасной душе,
Конечно, перед этим будто невзначай забыв
проснуться.

И приближая долгожданную развязку,
Я выдам, словно тайну, голос.
Ну а потом сниму запачканную маску
И улечу в открытый космос.

* * *

Мне нравятся ромашки на твоих ключицах.
Живая изгородь,
Полевые цветы ведут меня в пригород.
Но вместо однотипных многоэтажек — северное сияние.

Я стояла и смотрела на твоё молчание,
Хотя ты отнюдь не молчала, терновый венец
запуская по моим облакам.
Я хотела услышать «сначала», а услышала только
«конец», волной разбивающий солнце
во всех городах.

И если б ты знала, как я хочу
целовать твои конечности
До бесконечности
И гадать по ромашкам на твоих ключицах.

Вместо привкуса холода — привкус корицы.
Вместо ярких встреч — до тошноты
прокрученные воспоминания.
Вместо тебя в мёртвой пустыне (моей душе) —
северное сияние.

* * *

Есть мнение, что если я буду много раз
повторять твоё имя, то ты придёшь.
Я лежала под беззвёздным небом
и тысячу раз произносила твоё имя.

Окно было настежь открыто, но я видела
только холодную зиму.
Резкий ветер пробирался под тёплую спину.

Он мне мысли кричал,
но под натиском тёплого воздуха таял,
однако,
оставляя пляшущие фигуры перед моими
глазами.

я
хочу
быть
с тобой.

Это просто, страшно:
Мне без тебя — вакуум; мне без тебя —
дышать под водой.

Я пересчитала все звёзды, давая твоё имя каждой.

Провожу так каждую ночь.

Мне страшно, что ты не придёшь,
До холода в сердце. Страшно.

* * *

Мотыльки не глупые, они просто мечтатели.
Жить в реальности — слишком скучно;
Жить днём — слишком срочно:
Размеренная живая ночь для них —
самая правильная.

Мотыльки не безумны, они просто мечтатели.
Пусть каждую ночь они безрезультатно
тянутся к недостигаемому свету
И бьются в стекло, их разумом бешено,
быстро, ярко желание правит.
Только этот свет не греет, он сжигает.

Как жаль, что мотыльки не знают о жизни Икара.
Каждую ночь я укутываюсь в плед
и прихожу к ним, садясь на лавочку
Прямо под лампочкой.
Запрокидываю голову и выдыхаю,
смотря, как пар капельками оседает на стекле.
Поправляю плед.

Я рассказываю им о юноше, который умер,
опалённый стремлением к свету.

Мотыльки ничего не слышат.
Я толкаю лампу, и та раскачивается
из стороны в сторону, а я кричу о глупости
насекомых.

Вспоминаю тебя и твой свет —
и на этой стадии
понимаю,
что я и есть
безумный,
безумный,
безумный
мечтатель.

* * *

Я вплетаю полевые цветы в твои волосы.
На чистом небе белые полосы от самолетов
знаменуют свободу действий и мыслей
посреди огромного пространства маленькой
планеты.

Небо быстро заполняется тяжелыми тучами,
оседающими в атмосфере,
не оставляя пространства для света.

Освежающий дождь знаменует освобождение.
На синих и красных лепестках остаются капли,

они, хрустальные, украшают цветы в твоих
волосах.

И мы в самом эпицентре
ничего-не-происходящего,
Одни в поле, как птицы в небе:
Настоящие.

И когда солнце уйдет за линию небосвода,
Мы выдохнем сегодняшнего дня свободу.

* * *

Мне нравится, что в те часы,
когда в моей груди пожаром грусть,
Твой голос может мне спокойствие вернуть.

И даже через много километров,
Когда я в телефонной трубке слышу голос твой,
То чувствую всепоглощающий
и долгожданный, как освобождение, покой.

* * *

В голове заевшая пластинка — песня,
Как будто ты не там — здесь.

И тоска в груди бешеным стуком,
Всё как будто пройдёт
Утром.

И как будто стихи не тебе,
И живу не «как будто» совсем.

А рука твоя не касалась плеч,
Пока я, как безумец, не искала встреч.

И над землёй не раздавались раскаты грома,
Пока мы были
Незнакомы.

* * *

Когда звёзды угаснут, повергнув
целый мир в кошмар,
Я тихо забьюсь в комнаты угол
И буду знать,
Что ты
Ушла.

И в этом безмолвном крике, который ты не
сможешь уже рассмотреть в потемневших
глазах,
Злостью, словно в пустой голове, звеня,
Я цепляюсь за тебя разодранными пальцами
И плачу на твоих коленях.
Взываю: забери меня.

Моё огрубевшее чёрствое сердце
будто заново начинает любить

Каждый раз.
Сколько во Вселенной частиц —
 столько прощаний,
А после — от одиночества выть по ночам,
Утопившись в собственном отчаянии.

Тебя я больше не окликну,
Не тревожу,
В водоворот самообмана ввязнув,
Но только ты меня покинешь,
Я вместе с звёздами
Угасну.

* * *

Много времени
я искала
тебя,
пропадающую.
Интересно,
за все
эти
месяцы
я хоть раз
видала
тебя
настоящую?
Лги мне,

лги,
мне этот
яд
вместо
кислорода,
вместо
крови.
Мне этот
яд
вместо
абсента,
что стоял
на столе
у Винсента.
Лги мне
так,
чтобы ложь
твою
я не изме-
рила,
лги мне так,
чтобы я
поверила.

* * *

Всё ведь довольно относительно, верно?
И ты у меня не первая, и я у тебя не первая,

Но знаю, ветер твой, что с каждым днем растёт,
Вдруг обратит пожар в костёр.

Я тебя — навсегда,
Милая, обещаю,
Но любовь моя — не твоя забота,
И с тебя этот груз
Снимаю.

Тучами-подушками затянулось небо,
похоже на дуршлаг,
В погоде жуткая неразбериха: то дождь, то снег.
Хлопья присыпают носы ботинок, делаю шаг,
Разделяющий «есть я» и «меня нет».

Пар капельками оседает в волосах,
Ты слишком часто дышишь, не печалься,
Когда пробьёт над городом гроза,
В последний раз со мною попрощайся.

Твоя память — коробка воспоминаний,
Но всё же
Я сам себя из твоих хранилищ
Уничтожу.

И я уйду неслышно, тихо,
Закат меня окутает кровавым холодом.

Я началась твоим криком
И закончусь твоим шёпотом.

* * *

Мои губы имеют солёно-сладкий
привкус от укусов –
это твои фантомные поцелуи,
я собираю их в обожжённые /зачеркнуто/
согретые ладони
и запускаю в небо.

Без тебя ориентиры сбились,
компас залит вином и указывает неверное
направление,
оставляя на лесной тропе
выжженных твоих следов вкрапления.

Не цепляйся за ночь, не цепляйся,
я и сам так делал много раз,
посмотри, на твоём запястье
молнии
разветвление,
а в нём –
так много дней,
что провели вдвоём.

Тебя так много перелюбило,
не ты их, но они.

Я задаюсь вопросом:
так скольких из них
это
убило?

Мои мысли можно успокоить
только
пулей.

Мои обьяття
не верят
в смерть,
не знают
лжи.

Не становись тенью, всё равно не получится.
Мне не нужно твоё признание,
до конца Вселенной — и дальше,
пока сердце моё не отмучается.

Ты моя Маяковского Лиля Брик,
ты моя «нет, нет, никогда» Ван Гога.
Пусть сгорают стены дотла,
я останусь, сгорю вместе с домом.

Глагол жжёт язык,
кричу его тысячи раз,

за каждую секунду,
Заменённую прикосновениями.

Теперь же, когда ничего не осталось,
кроме этого слова,
я кричу его
снова, и снова, и снова...

Пусть у меня хоть что-то будет навсегда,
и у тебя это тоже будет.
Пусть воспоминанья обо мне осенний ветер унесёт,
в кармане куртки найди мои слова,
пусть в памяти твоей их корень прорастёт.

Я не умру, смотри, тут в каждой букве,
в каждой точке

Моё Земное время скоротечно,
но не грусти и не печалься обо мне,
в моих словах к тебе живым я буду вечно.

Похоже, что звёзды начинают гаснуть,
я поздно, но всё же
в твою бетонную стену кричу:
останься,

игнорируя мысли
о прошлом.

Ты меня не знала?
Знала лучше меня самого,

знала досконально,
как бы ни звучало
это
парадоксально.

Не ищущу, как ни странно, не ищущу,
как бы ни хотелось,
но пару месяцев назад искал бы...
куда это делось?

Нет, я не разочарован,
не ненавижу и не злюсь,
ну, может, только на себя.
Как ненавидеть мне тебя, когда настолько
о ч а р о в а н?

Не сбита цель:
я под холодным дулом ноября.

Я благодарен нраву твоему,
я рад, что ты успела соскочить
с последнего вагона.
Что до меня –
мой поезд не остановить.

Пусть у тебя во всём – сомнения,
спорь, спорь со всем,

человечество — чистая ложь.

Но пусть моя любовь...

Пусть это то, в чём

ты

сомнений

не найдёшь.

Я думал, что догорел,

когда Земля перестала вращаться,

всё замерло,

но ты поджигаешь мои крылья рваные,

и всё начинается заново.

Давай,

на минуту

останься со мной,

побудь

со мной

настоящим.

Я это запрю в себе

и унесу

в самую чашу.

Давай,

убери персонажей,

я в них тебя не ищу.

Не их, а тебя

полюбил,
отдался не им,
а тебе,
бессильный.
Подари последние объятия,
родная,
любимая,
не моя
Анастасия.

* * *

Бессмертие –
сколько вложено в это слово?!
И всё же каждый видит в нём что-то своё.

Вечная жизнь.
И это бессмертие?
Весело же раз за разом видеть,
как уходят все, кого любишь,
по кругу третьему.

Или в детях?
Что общего, кроме как крови, не имеют,
без выбора любить нас вынуждены,
по обязанности,
как мы их, привыкшие быть с ними от рождения.
Укоренившаяся привязанность.

В работе,
где каждый норовит столкнуть тебя с вершины,
а если ты не на вершине — того ниже,
или, того хуже, — притворной добротой до
глотки лижет,
пока ты не усохнешь на покой.

Бессмертие в рукописях,
в моих строках увековечен я.
Но мне не нужно признания людского,
а только чтобы ты запомнила мои слова.

Свободна я,
пусть жизнь моя короткая
пронесётся ещё быстрее,
мне, может, нужен просто повод,
чтоб я как в 217 Колизей.

Ты, слава Богу, любить меня не обязана,
и мне отрада, что тебе не будет принуждения,
не ты со мной, но я с тобою связана,
по глотку ввязанная в разрушение.

Выбрось меня, пни, как дворнягу,
что до срыва голоса лает,
скажи, что ненавидишь, презираешь,
другого я не понимаю.

Я вру
/выучилась этому у тебя/,
хоть будешь мне совсем чужая,
хоть ненавидеть, презирать,
хоть избегать...
мой выбор:
я люблю, люблю!

Любовь моя, как каменная глыба
/ты ощущаешь так её, но это ожидаемо/,
и потому –
идеальным узлом её к шее
/это ещё один повод/
и прямо с обрыва – в твой омут,
а там – оружие на любой цвет
и вкус.

Слишком сладкая пытка,
то за одно, то за другое берусь.
Наконец между прочих убитых тел
нахожу револьвер,
проделываю в груди отверстие,
оставляю записку.

Два шага назад, падаю замертво,
поднимаешь клочок бумаги:
«Ты – чистое бессмертие».

* * *

Нарушено обещание, снова
Дававшееся клятвенно, прочно:
Не посвящать тебе больше ни слова,
Не посвящать тебе больше ни строчки.

Круги ада видятся кружкой кофе,
Я их вместе с ним пью каждое утро,
Попутно черкая очередные строфы,
Вычерпанные из ночного ступора.

Не прошу отпустить, не ты,
Это я тебя не пускаю.
Я в тебя вживляю цветы,
А тебя в свои строки вживляю.

Я прощенья просить не стану,
Это я из нас в роли плохого:
Ты мне не только для любви —
для стихов рваных,
Что пишу я снова и снова.

* * *

Я стал похож на похоронную процессию,
но хочу, чтобы ты торжествовала.
Ненавидь меня,
обозлись.

Я шествую по городу в своём маленьком гробу,
дожидаясь сожжения.

Процессия
крыс.

Откройте крышку, там горстка пепла
с привкусом гари – выкури.

Зданий
вокруг слишком много, но я по кругу
возвращаюсь к твоему дому,
там оставляю себя
жёлтым,
похожим больше на вечную кому,
которая скоро приведёт к отключке.

Уходи, уходи из моей головы, из моей жизни,
из моих линий,
уйди из моих воспоминаний, уходи мирно,
я прошу, уходи, уходи из прозы,
уйди из моего дождя, уходи из гроз,
уйди, убирайся, прочь,
уйди, пока солнце над горизонтом
слепит глаза,
уйди, когда ночь,
уйди из моих касаний к другим,
уйди из моих слов,
прочь, прочь из моих вен больных,
убирайся из моих стихов.

При смешении наших красок
получается поражённое небо,
оно умирает, как будто дни его сочтены,
в нём видятся отражения жёлтых колосьев
пшеничного хлеба
и ярко-зелёной хны.

Вырисовывается картина на холсте:
похоронная процессия со мной и тобой в конце,
идём через поле, рядом устье рек.
Вдруг все остановятся, глаза устремляя вверх,
на небо, что мы с тобой запачкали:
ты своим
зелёным-оставь-меня-ты-чёртов,
и я своим
жёлтым-я-до-смерти-мёртвый.

* * *

Рёв и бешеные раскаты валов,
небо заложено тяжёлыми тучами,
как пробкой,
все двадцать из двенадцати баллов
о скалы расколоты перед смиренным и робким.

Море, как скелеты мёртвых китов,
берегу отдаёт коряги,
оно лижет ботинки, оставляя крупицы соли.

Море — не просто вода в овраге,
Море — это безмолвный крик о боли.

Ядовитой водой ковыряет раны в теле,
выжигая из плоти гнойное горе.
Я стою напротив воды, а что на деле?
А на деле напротив ты — штормовое море.

* * *

Из всех известных-безызвестных убийц
нашего-будущего-прошлого времени
мой выбор очевидно, неудивительно /где-то
даже обыденно/ падёт на тебя.

Ты чесапикский потрошитель нашего с тобой
младшего-старшего поколения,
излюбленный убийца со своей ухмылкой
во главе алтаря моего тебе поклонения.

Ночью слишком холодно-жарко для того,
чтобы укрыться одеялом,
поэтому я укурюсь кошмарами, ведь в темноте
потеряться легче,
но оказываюсь не дома, а на перроне
старого вокзала,
там ты находишься-теряешься —
это я укрываюсь кошмарами крепче.

Но тревожная ночь уступает
не менее тревожному утру, глотая чудовищ.

Просьпаюсь в постели, но в носу
стойкий запах вокзала, запах шпал и рельс.

Ты смотришь на баночки, а в них
моих мыслей скопище –
это я приношу себя тебе в жертву весь.

* * *

Я напишу о тебе нестих,
там не будет рифмы, метафор, эпитетов;
там ни планов, ни похвалы, ни критики.

Я напишу о тебе нестих, самый правдивый
из всех,
ему не будет ровня ни один из нестихов.

Я напишу о тебе нестих
из трёх слов.

* * *

люди умирают по понедельникам.
я выбираю вторник.
мы никогда не должны были встретиться,
но теперь я храню тебя в своих карманах рядом
с фантиками от конфет;

я по тебе не скучаю уже,
уже не люблю тебя
как будто,
но,
то ли призрак,
то ли память
врезается в сердце,
рисуя там
цветные граффити,
вместо
немного
кино.
мы расстались
во всех мыслимых
и немыслимых
смыслах,
избавившись прочно от этого груза.
но как мне избавиться
от тебя,
моя верная
муза?
что мне сделать,
чтоб ты
не держала голыми руками
моё живое
безнадежное сердце,
не пела мне по вечерам

мелодию
печального
блюза?
пожалей мои пальцы,
пожалей моих демонов,
пожалей
хоть разок
меня,
моя верная
муза.

* * *

несносный ублюдок. несносный. ни «здравствуйте», ни «до свидания». я сам уж харкаю кровью, и вместо моего сердца в грудь тупым ударом вбита пепельница, а в ней окурки и пепел, и звон от битой посуды. зима. несносный ублюдок дома, закутанный в одеяло и грусть, переживает период простуды. дверь запахла, но почему-то сквозит, может, это зима или что-то ещё бросает в топку стихи.

и мой сумбурный вечер состоит теперь из холодных батарей, и я, укутанный в одеяло, которое совсем не греет, и вслух прочтённые столетние заметки, что выцвели и пожелтели, хотя виднеются на них ещё отметки и пара

пятен от дешёвого вина, что спутником, а лучше — проводником меня ведёт в забытый дом. я что-то помню наизусть в этой забытой богом /или чёртом/ комнате, точнее — в её углу, в том, куда не проникает свет и, прости, оттуда... воспоминания краду. и ту тебя краду оттуда, и запираю в своей клетке.

и запираю в своих стихах. и в себе.

* * *

царапая голени о руины столетних зданий,
по обломкам взбираюсь вверх, чтоб коснуться
птиц.
сколько нужно ещё нам вынести этих страданий?
сколько выслушать о лучшей жизни сказок
и небылиц?

я в крови и рву глотку в лозунгах и призывах,
а потом зажимаю зубами тяжёлое знамя.
мои вопли заставят пойти за мной самых
сильных,
моё знамя заставит искру разгореться в пламя.

я разложилась в холодной пахучей земле наперёд,
та вскипит под ногами людей, что за правду
борцы,

и рванёт под ногами у тех, кто обманом живёт.

только я смотрю на людей,

а они — хоть живые, но мертвецы.

и жалость мне нельзя показать,

и плакать нельзя — слишком много зрителей.
противники будут бегать за мной

до последнего дня.

сначала отберут самое важное — родителей.

потом отберут самое важное.

потом отберут тебя.

мы поднимем руки с зажжёнными

факелами ненависти.

пой, революция, свою п о д р ы в н у ю песню.

у нас под кожей правда, которую не вывести;

мы сами — горящий факел

среди бесконечного мракобесия.

* * *

Обычный вечер, фоновая музыка,

Часы навскидку и картина на стене.

Дни и недели по порядку кружатся,

А я так часто размышляю о тебе.

Ты так прекрасна и невинна,

Самозабвенна и сложна,

Сошла, как осень, со страницы книги
И в сердце, как в пустыню, ворвалась.

Мы можем прогуляться до моста.
Затем мы можем потеряться в дебрях города.
И под ногами осенью стелется трава,
И осыпаются на землю листья золотом.

* * *

По подворотням города безлюдного,
Потрёпанным, холодным, скудным,
Там, куда ходить не нужно,
Бродят тени наших душ.

Мы следуем за ними молча,
Как будто это наши судьбы,
Как будто могут что-то напроорочить
Фатальные изъяны в людях.

Потрёпанные морем корабли лежат на суше,
Им в море выходить (как нам) уже нет повода.
Теперь мы сами тени наших душ,
Пойдём бродить по подворотням города.

* * *

Она ушла, не завязав шнурки,
Ни поцелуев на прощанья, ни объятий.

Она ушла, оставив только сны,
Милана звуки и калифорнийский гравий.

Витраж воспоминаний и калейдоскоп событий,
Оставила мне замирения сердечные,
Моментные прикосновенья рук и песен блики,
Те строки, что на венах высечены.

Оставила побег от мира, танец,
Оставила мне ревность, тайну.
Но, может, и сама могла остаться
Не только бликом в призрачном сознании.

Мне улыбается сквозь толщу сна.
Ромашки первые начнут цвести.
Меня так часто вновь преследует она,
Но лучше бы велела мне уйти.

* * *

дорогая, прости, но, наверное, это конец,
ты сама на нас с особым стараньем
надевала терновый венец
и топтала в нас лучшее, и бросала слова в окошко,
и теперь, дорогая, не надо быть жертвой,
не притворяйся брошенной.

Большая Медведица рассыпается
и опадает на землю,

ты звёзды тушишь так же легко, как спички.
дорогая, я так люблю тебя, но
для тебя это было привычкой.

да уж, ты знаешь, как меня пугает разлука,
как я ждала тебя каждый чёртов раз,
но, дорогая, ты забываешь, что я —
эгоистичная сука.

а помнишь, я тебя просила купить и на меня
билет

во все города и страны?

так вот,

забудь.

ты стала мне такой родной за эти
пару с лишним лет,

и я, как волк, внутри себя всё ещё

тебя буду ждать,

возможно,

но знаешь, дорогая, сейчас я выбираю себя.

потуши последние звёзды,

пусть прошлое будет прошлым.

* * *

вот и всё.

а помнишь, как нам казалось, что друг без дру-
га не сможем ни дня, ни минуты, ни строчки,
что «мы» — это будет навечно, прочно; по всем

городам-странам-планетам мы распродали
наши билеты, распрощались с нашим домом,
где по красному дереву дверей изящно резьбой
вырезали наши имена и тысячи наших масок,
используя нож и ладонь, и с десяток баночек
красок /к р о в и/; а помнишь, у нас вино на
завтрак, обед и ужин, и мы ночевали в наших
словах и объятьях, а пальцы переплетали, пока
шли по главной улице, теперь переплетай
рукоять пистолета, ты ведь так любишь это
оружие, ты же так любишь быть брошенной,
ты живёшь этой ложью, ты притворяешься
лишней, это твоё оружие, наша любовь просту-
жена, ты же так любишь всё рушить.

* * *

поднимаюсь на крышу и четко вижу цель:
он то мечется, то на месте, будто зная
всё наперёд,
и губы его шевелятся, но не в молитве,
шевелиются чередой бранных слов,
которыми он живёт.
ставлю подставку и снайперку на неё,
незнакомца беру под прицел.
прости, милый друг, а может, и враг, чёрт вас
всех разберёт,
я солдат, и таков мой солдатский удел —

я стреляю в того, кого пуля мне назовёт.

я привык, что мне палками по спине и ногам,
чтобы честь отдавал и держал

свой солдатский стан;

чтоб слова, эмоции, чувства — в пулю,

заправив пахучим порохом;

у солдата цель — и это его задание,

только треплется что-то в груди

под бронежилетом в бессмысленном ворохе.

у солдата с детства «терпи» и «борись»,

и кредо твоё — одиночество,

и тут же хлестать себя по щекам в бою,

если плакать хочется.

надеваю глушитель и ласково глажу ствол,

незнакомец всё знает, но смерть ему не чужда.

он давно уже ждёт меня, это он, тот,

что ложью /а может, и правдой/ меня расколол,

сатана во плоти, тот, кому я так нужен.

моя снайперка жаждет выстрела,

сколько ждали мы этого судного дня,

я уверенно жму на курок,

только он обернулся, и в прицеле

отчётливо вижу себя —

попадаю точно в висок.

и вот прозвучал финал, громогласны овации,
и зрители восхищением осыпают нас,
глядя на мёртвое тело, лежащее на снегу
в оборванных декорациях,
солдата, который выполнил свой приказ.

* * *

тёмная ночь не успокоит безумный город.
рука в руке, направление — твой безучастный блюз.
спи, для беспокойств нет причин и поводов,
наш бак заполнен по полной душами мёртвых муз.

ты так долго не видел света, помимо ночных огней,
спи спокойно, Мыслитель, я плавно берусь за
руль.
это не взрывы, не пистолеты, а только в окне их
тьень,
и за дождь принимай грохотанье по крыше
пуль.

посмотри на небо, дыши полной грудью,
словно ты — не часть этого города,
ты не этого мира груз;
засыпай, представляя, что эти лужи наполняются
чистой водой, а не кровью.
рука в руке, на последнем вздохе —
печальный блюз.

молчать. вот так вот просто
нам затыкают рты и дырки в сердце, глаза и уши.
молчать. то стороной пройдут, то взглянут
косо —
не то в подвалы заточат и выпотрошат души.

молчать. а ты дурак, поэт,
чернилами выкапываешь яму.
молчать. или тебе всех бед не огрести,
любитель вечной драмы.

и ты молчи, и ты, и ты!
признай их власть, и на колени тут же,
тебе на шею — лучшие кресты,
что грешные спасут от ада души.
молчи и ты, чтобы не выкинули восвояси,
и с гордостью крест золотой протри,
чтобы забыть — по горло можно вязнуть в грязи,
зато быть чистым изнутри.

carpe diem — шепчут нам мёртвые поэты.
они по ночам покидают свои книги-дома,
страницы пожухлые, зарисовки, тома,
трилогии, сборники, целые города,
чтобы в людских сновидениях

образы, что ярче огромной кометы,
светом в тёмном безразличном пространстве,
нас привели к ответам.

звёздная ночь успокоит взбалмот дневной.
лёгкие наполняются сожалением.
просто знай: если часть твоей жизни —
это кусок разрушения,
то пора побег от себя заменить машины
движением,
чтобы увидеть во сне эти образы.
секрет в том, чтобы остаться собой.
мы движемся плавно, всё хорошо, просто спи,
я отвезу тебя скоро домой.

на шоссе ни души, едем ровно по дороге
пустой.
мы украли время, чтобы забыть проблемы.
ты сзади, на пассажирском, воздвигаешь
бетонные стены,
пытаясь один бороться с огромной
всемирной системой.
перестань загонять себя хотя бы на время.
машина плывёт по пустому шоссе
за яркой звездой.
мы движемся плавно, всё хорошо, просто спи,
я отвезу тебя скоро домой.

* * *

сколько дней в этом мире ты любила меня
бесцветными красками?

столько я ждал
поезда, самолёта, летающей тарелки.
кажется, по мне плачет дурка,
но мне нужно, мне нужно
оказаться в объятьях
твоего
Петербурга.

дорогая, моя милая Анастасия!
моя теорема о любви
ничего не стоит,
ничего не значит,
если мы застряли где-то посередине,
если я так умело
тобою за горло
схвачен.

мои волки дикие учуяли запах твоей крови,
и теперь меня рвут,
потрошат,
воют этими стихами
и жаждут загрызть тебя
целой
стаей.

дрянная девка с худющей шеей
вызывает ежесекундное привыкание.

всё, что может сделать тот,
от кого собака ожидает удара палкой,—
оправдать
данное
ожидание.

* * *

ты знаешь, как мне страшно зачерстветь?
не чувствовать ни ласк, ни грубости.
так просто одиночеством заболеть
и от незнаний расплескать себя по глупости.
я потерялась в снегах: без смысла, без крова.
ты знаешь, я пишу тебе письма по стопке в день,
в них вспоминаю всё бывшее,
ведь мне так страшно всё забыть,
отправить в Лету
последнее ласковое
человеческое
слово.

я боюсь перестать чувствовать любовь и ненависть,
печаль и нежность.
поэтому хватаю каждого прохожего за кисть,
будто твою хватаю, как и прежде.

касаюсь пальцами участков кожи
и, будто прежде, пишу тебе послания,
как раньше ты,
и мне так страшно
отправить в Лету
последние ласковые
человеческие
касания.

мне кажется, я на пороге чего-то ужасного,
и моё чистое застилает туман густой.
моё сердце просит распятое –
отвези меня скорее домой.
мысли сбиты, как всегда, говорю невпопад,
но пойми,
мне так страшно
отправить в Лету
последний ласковый
человеческий
взгляд.

* * *

в безумии хаоса дикого бреда по заросшей тропе,
вокруг первобытные заросли, не слышно
звуков извне, не видно луны и солнца, бреду
день и ночь — ноги в кровь, и дальше — сплошная
чилибуха ломает мне кромки бортов.

мне Орфей напевает песню, его заросли приняли в стаю, проросли ему в кожу и лёгкие, они душу ему истоптали, рвут ему сердце и глотку, подобно железным прутьям. Орфей напевает песню, он не знает, что задохнулся... и чем дальше в чащу, тем темней, там живут злые звери, настоящие чудища. мне бы взять обратный билет, а пока только кожу рвущие...

заросли.

среди травы и плюща — прекрасное дерево, чьи ветви раскинулись до небес, только мне их не видно, плющ накрыл одеялом лес. я касаюсь дышащей коры, мне заботливо ветки щекочут запястья, по щеке старый лист, уж увядший, пронёсся плавно. только слышу я крик, мольбу. это от боли, от зарослей задыхается прекрасная Дафна. скоро плющ поглотит её, это смерти вестник. скоро Дафна не будет дышать, не зная об этом.

слышен тихий напев. песня.

пытаюсь сдвинуться с места — ничего не выходит. мои руки и ноги в ядовитом сплетенье, и я знаю, я знаю — из зарослей не выходят, но

я всё ещё жду, что растворится затмение. и чем больше плутаешь, тем сильнее обвивает плющ, тем сильнее он рвёт глотку и лёгкие, этот лес — пристанище потерянных душ, что от света такие далёкие.

но я знаю, знаю, меня спасёт,
ко мне пробивается сквозь зарослей тучу

маленький, неприметный
надежды и солнца лучик.

* * *

этот Декабрь бьёт пощечиной, оставляя на коже морозный ожог, приятное жжение, и все мысли проваливаются куда-то в пропасть, утекая по каналам сточным, по бессмысленным строчкам и, так и не найдя точки, так и не найдя решения, как и чувства, испытавшие все лишения, возвращаются, застревая в глотке прочно, чтоб превратиться в слова, как обычно не сказанные. это ритуальные пляски на тысячах мёртвых фраз, на тысячах мёртвых ромашек, среди которых до жути страшно никогда не найти «люблю». это не лепестки, это чёртова лотерея, Декабрь тебя не согреет, если не скажешь ему. эти бактерии-мысли глотку

грызут и так близко подбираются к языку. не держись за место удара, пара тебе — не пара, не думай, иди к морю, выйди на середину, ложись на большую льдину и просто плыви вперёд, не так уж и тонок лёд, и если судьбой решено — вода тебя унесёт прямо к тому Декабрю.

* * *

я — поэт, и за каждую строчку мне
распинают душу,
мне не стыдно показать волчье своё нутро — делов!
выворачивает наизнанку, ну как вам —
видеть кишки наружу?
у меня уже глотка гниёт, ей-богу,
в ней слишком много застряло слов!

я — поэт, с маленькой буквы, но самой громкой,
пусть Заглавные попытаются заткнуть мне рот —
прогремит мой голос на всю Вселенную —
громом,
я своему ремеслу самый преданный раб,
самый властный бог.

я — поэт, и мои слова корнем дуба вплетутся
в сердца людей,
и каждое слово обернётся семенем в почве,
в сознание огнём.

и каждая строчка, являясь кусочком,
 соберётся воедино в открытом море
и станет для всех несчастных и проклятых
 спасительным кораблём.

* * *

в темноте злые звери прячутся по углам,
 чтобы забрать твоё дыхание.
они выжидают, пока ты заснёшь.
в комнате тихо, только вдохи, выдохи,
 да штор еле слышное колыхание.
у меня под подушкой всегда наготове нож.

ты во сне часто дышишь, это звери воют
 и готовятся к финишному прыжку,
они выжидают, чтобы можно было верно
разодрать тебя до сердечной мышцы
 и повесить на шею жгут,
и затянуть его однажды непременно.

но близится рассвет, и звери разбредаются
 обратно по углам,
твой сон спокойней, кошмары обернутся
 вспять.
те звери так страшны, но рыщут только
 по ночам,
когда их отпускаю погулять.

* * *

мы — две полярности: не сошедшиеся, не разошедшиеся; закатится солнце за горизонт, и начнётся наше Великое шествие; это не путь из варяг в греки, не Шёлковый путь, а меж-вселенное путешествие; ведь есть миры, где мы с тобою встретились иначе, там сошлись тысячи горящих звёзд, и если небо веселится, то взахлёб в нём солнечного света, а если ему грустно — оно взахлёб дождями плачет.

есть мир, где мы с тобой вообще не встретились, там идёт бесконечных, а может, и малых стихов перепись, там странные образы и гора рисунков с одним лишь силуэтом, и попытки понять, чья эта тень на грани с бредом; там такие же законы физики: у нас — полярность, поэтому-то ты скорее всего счастлив, а для меня поломка головы — всего лишь данность, я в этом мире доживу до старости, но погибну задолго до этого.

а в этом мире мы не сошлись, да и не разошлись пока вроде, то друг от друга бежим, то кругами друг за другом ходим; а ты, как всегда, одет не по погоде, а я чересчур тепло, хотя не по моде; и то ли ветер свищет, то ли волк ры-

щет; то ты мой сыщик, то ты моя пища; то ты ядом брызжешь, то встречи ищешь; а я то жду, что напишешь, то ты в жизни лишний, вот так уже вечность живём.

из всех миров, где мы встретились или нет; из всех галактик, из всех планет; где мы счастливы, где полны мы бед; мы выбрали этот мир, которому лучший эквивалент — захудалый трактир; но мы здесь и сейчас, и это наша непосильная ноша; нам милее насилие, чем счастливое ложе; нам закат милее, чем утренняя заря. мы выбрали странный мир, однако в нём я знаю тебя, а ты меня.

* * *

мы не... мы точно не друзья и никогда ими не были; то дрейфовали по морю, то против течения плыли; то никогда не встречались, то для встреч нелепые поводы, и чтобы коснуться пальцев, как оголённого провода, мы придумываем наигранные споры, мы наигранно кидаемся обидами, в самых нелепых вещах принимаем разные стороны и в неравных схватках меряемся силами. друзья не отводят взгляд, когда смотрят друг другу в глаза; друзья не смущаются обнимать друг друга, думая, что

им нельзя; и я знаю, у всего есть предел, когда появляются невысказанные слова, ведь друзьям не нужно притворяться друг перед другом, что они друзья. мы не... мы точно не друзья и никогда ими не были; то молча ловили взгляды друг друга, то без умолку говорили; ты то ни минуты со мною не можешь, то берёшь меня в путешествие; мы такие разные, но так похожи, это полное сумасшествие. потому что друзья не наклоняются чуть ниже, к губам, желая поцеловать, так внимательно вглядываясь в лица черты; друзья не спят нос к носу, выбрав одну кровать; друзья не смотрят на меня так, как ты.

друзья не смотрят на меня так, как ты.

* * *

по какой-то причине эта жизнь с каждым днём всё более невыносима; в ней солнце больше не слепит игриво глаза, в ней небо теперь не такое уж синее; и вместо счастливых дней сплошное бессилие, которое мы себе простили бы, если бы не жизнь за окном.

и всё куда-то мимо уходит, всё прошлое, будущее, настоящее, это всё — то ли наша жизнь, то ли наше существование, куда-то по небу

летающее; а люди, словно перед концом света, жадно сгребают в охапку всё, что уместится в руки, и всё это куда-то скорее тащат; озлобленно смотрят прохожим в глаза, ожидают от них ножа; а на дороге пыльное, затоптанное хозяином сердце чьё-то лежало; кто-то женится, разводится, заводит детей; кто-то за людей, а кто-то против людей; строят дома, ракеты, новые корабли; достают ракушки из самых морских глубин и чёрное золото из-под земли. всё это — часть огромного механизма правящего общества, но за гулом от ругани и бесконечных строек никто не слышит крика чьего-то маленького одиночества:

я один, мне одиноко, но я выжил,
я выжил.

и стоя на этой крыше,
я вслух спрашиваю одно:

хоть кто-нибудь меня услышит?
хоть кому-нибудь не всё равно?

* * *

корабли разбиваются о мои воды, будто железобетонные, с металлическим привкусом

волны, в этой кровавой пене тонут сердца, уходят под воду головы. одни поломанные доски на поверхности — это кости, больше не связанные жилами. и где-то из глубин немые вопросы, всплывающие пузырями воздуха: а были ли живы мы? а сколько мы падали? а чей-то взгляд из самой бездны всплывающими зрачками из огромных пустых глазниц следит за миром с момента рожденья Вселенной, запечатлевая вихрь времён верениц, создание и смерть самых эпохальных личностей, самых величественных столиц. одною рукой своей обращает вспять всё былое и будущее, всё от горя рыдающее в эквиваленте бессмертности и в нетленности времени бесконечно ликующее. я в мёртвом зрачке сквозь пелену солёной пены замечаю пузырь лазурной воды с кристаллами соли, это слёзы смотрящего, сталкивающего в шторме прошлое, настоящее. и будущее. он сквозь пелену Вселенной времени смотрит на мой корабль разрушенный. пузырь стекает в пучину моря. сколько выпадет бед ещё на нашу тяжёлую долю? и сквозь шторм, сквозь соль в открытых ранах, сквозь ветер в лицо, сквозь неудач отголоски я выплываю на ближайший скалистый берег и собираю уцелевшие доски. и с помощью островных рас-

тений, попав в провалов водоворот, из которого вырваться — подчинить огонь, стать огнём, я упорно рву плети, зубами завязываю узлы и строю свой крепкий плот. обломками скал забиваю зрителя и разделяваю на мясо, на плоту выкладывая куски в ряд. от него — ни крика, ни бойни, только беспомощный грустный взгляд. пусть шторм утихает, уступая место всеобщему штилю, и ночь беспокойная право передаёт нового дня рассвету, а плот по течению спокойно плывёт навстречу новым эпохам и новым планетам.

* * *

я искал себя, заглядывал во все магазины,
притоны,
я ночевал у ночных девиц, в монастырях
и у наркобаронов,
я скитался по замкам, лесам и пустыням,
мне пришлось обуваться и в кеды, и в туфли,
и бегать босым,
и бегать от преступников, полицейских и дам.
я пересёк на своих двоих Токио и Амстердам,
я переплывал на богатых яхтах и плоту
из двух брёвен тысячу рек и Мировой океан,
я сражался клинком, автоматом и танком,
но чаще — руками,

мне пришлось ночевать с королевами, королями,
а назавтра — с сурками,
я купался в золоте, а затем утопал в болоте.
грады пуль пережидал в подземельях
Калининграда и на Вегас смотрел в полёте.

мои руки покрыты мозолями, а ноги стёрты
в кровь, но я дошёл до Тибета,
на вершине горы в священном храме
меня ждал человек —
мудрейший из всех монахов.
я прошарил весь мир и хотел получить
все свои ответы.
у стены стояли сосуды: они заполнены
прахом
от прошлых жизней, он их знал,
и потому меня сюда привели
короткой потерянной жизни моей следы,
я упал на колени и спрашивал тысячу раз,
кто я такой, чем жизнь моя
по свету ведома,
пока не услышал: «ты — клочок сухой травы,
не имеющий дома».
я вышел из храма и снова пошёл в магазины,
храмы, притоны,
меня с радостью принимали ночные девицы,
священники и наркобароны,

я продолжил жить свою жизнь,
осознав свободную, но нелёгкую долю:
мне не найти свою крепость, своего дома,
я — перекаати поле.

я — пе-ре-ка-ти-по-ле.

* * *

влюбилась и тут же свалила.
влюбила меня в себя —
дрянная девчонка.
в своём моём её любимом Питере.
взяла и
похоронила
нежными своими ручонками.
сердце мне кинув под ноги,
пропила,
прокурила,
подвесила!
я обиваю десятые, сотые, тысячные пороги
всех
уходящих
месяцев.
уплыла от меня в своём бассейне
в знаменитую Марианскую
впадину,
сумбур и панику в проклятые стихи посеяла,

надеемся познать не только прекрасный закат,
но и рассвет.
и укрыться от этой погони.

грады пуль тарабанят и мнут крышу нашей
машины,
не волнуйся, Мыслитель, я плавно берусь
за руль,
это станет нашим forte, нашим Эверестом,
нашей вершиной,
если мы укроемся от этих железных бурь.

на заднем сиденье обогреватель работает
вполне исправно,
и этот дом на колёсах — только наша обитель.
я покажу, я покажу, как много ты для меня
значишь, Мыслитель.
они пытаются нас догнать, но они не знают
о главном.

взрыв разорвёт наше ложе, которое
не из цветов,
дуло смотрит в упор, и в нём миллион
причин.
только не надо, прошу тебя, этих дешёвых
прощальных слов,
просто смотри мне в глаза и молчи.

и в этой луже крови, падая, мы соприкоснёмся
руками,
невидимый свет озарит твой ясный взгляд,
в котором — вода.
мы погибнем под этим лунным сиянием,
под облаками;
и в этой луже крови, встретив твой взгляд,
я буду знать, что это — навсегда.

* * *

листья срываются с дерева, ложась на водную
гладь, ветер колыхает их, срывая в ручей. ты
заправляешь за ухо непослушную прядь, в небе
гирляндой зажглись миллионы свечей. ветер
срывает невысказанные слова, не в пылком
споре, не в тихой ночи; ещё не закончена наша
с тобою глава, смотри мне в глаза и молчи. за
каждым стоит трагедия превыше всех жизней
и судеб; за каждым — горы, разрушенные от
времени. мы хотим стать Великими, и за нами
стоят истории, которое мы не забудем, это
наша ноша, наш крест, наше, как мы, Великое
бремя. мне не было видно слёз твоих, только
твой оскал; моя бесконечная пылкость и твой
поистине вечный лёд. по дороге судьбы своей
всё, что было в карманах, я растерял. и тебя. но
я верю, что путь мой к тебе тропинку найдёт.

пусть нас жизнь растеряла, но всё-таки, в конце концов, я привык не сдаваться, я найду дорогу домой. облака на рассвете в небе слепят твоё лицо, и я сердцем пойму, что ты рядом со мной. сквозь бури и грозы, войну, потери и боль я последую за листьями, по ручью проплыву весь мир, лишь бы снова найти тебя, быть с тобой, лишь бы ты, лишь бы ты, лишь бы ты, один.

* * *

это хлопья снега или лишь лепестки цветущего дерева? я ловлю один и я тут же кладу под язык. сколько нам с тобою было судьбой отмерено? ветер кружит те годы, что прошли без тебя,— пускай забирает их. весна пришла вихрем, умеющая снежить ничуть не хуже, принесла нам память и давящее чувство в груди. я смотрю в отражение свежей, уродливой формы лужи и понимаю, что не один. твои тонкие пальцы касаются взбалмошных, непослушных волос, я сквозь маску вижу твоё родное лицо, посмотри мне в глаза, ты увидишь немой вопрос. жизнь замкнулась горящим смертями кольцом. и вот на распутье дорог мы снова стоим одни, напротив друг друга, часы обращая в пыль; зажглись ярким пламенем в небе неумирающие огни; я все ночи так жадно на них смотрел, и поэтому взгляд твой

в себе сохранил. почти ничего не видно, только образ твой по ту сторону свежей лужи, вёсны снежат ничуть не хуже, давая трещины льду; и сквозь пробоины в твоей маске я нахожу ту родную душу, которую когда-то пообещал, что найду. я не сдамся, таков мой путь, назначенный свыше судьбой; проберусь через трещины, раны, через осколки твоих многолетних льдин; лишь бы снова найти тебя, только быть с тобой, лишь бы ты, лишь бы ты, лишь бы ты один.

* * *

мой кунай разрезает сакуры лепестки. я разве помню твои касания? лепестки касаются сердца, будто глаза твои, что я вижу в прохожих неясным порой очертанием; по озеру мчусь, по поверхности, заснеженной розоватыми хлопьями, я мысли свои буйные, как тебя, снова предал земле; в толпе иногда замечаю твои родные ладони, и веер — твой герб — будто вижу на чьей-то спине. лепестки разрезаю, чтобы не вспоминать ушедшую молодость, чтоб не касались плеч моих и волос; я всю жизнь в себе взращивал эту поганую гордость, чтоб не помнить, кто сердце твоё горящее в могилу унёс. луна алая расплескает твои слова, здесь не место мне, среди этих весенних зим, что-то жётся

в глазнице и нитью отчаянно тянет назад — там, где ты, там, где ты, там, где ты один.

* * *

кистью делаю мазки на твоих лопатках — неведомые поцелуи, лепестки на кончиках пальцев — касание твоей кожи; я не умею, но робко держу кисть в кисти и рисую, бросаясь решительно в нецветовое ложе. изгиб от ключиц, по шее к затылку и пряди измазанных басмой волос; ладонью я чувствую горячую кожу, твоё дыхание пылкое, я прижимаюсь к твоему телу, несмотря на внешний мороз. время мажет рассвет, рассекая спокойствие зыбкое. от тебя пахнет нежностью, страстью и шоколадом, утыкаюсь носом в затылок и вдыхаю тебя глубоко, задыхаясь от осознания того, что ты рядом, от того, что ты пахнешь тобой. кисти кропят огни на чёрное полотно, во мне звёзды взрываются, рисуя детали картин; я хочу смотреть на тебя, быть с тобой, лишь бы ты, лишь бы ты, лишь бы ты один.

* * *

в отражении зеркала изломанного давно уже себя не вижу; у меня каждый день осыпается по кусочкам то, что осталось от жизни, газетные

пожжённые обрывки планов. мне бы проснуться не в тесных стенах моего родного города, а в просторах Парижа, под Лондоном, в забытом пабе Дублина, под боком лучших музеев моего Амстердама. да, моего, каждый из городов, планет, галактик принадлежит мне, я гражданин этого космоса, каждый богом забытый на окраине Вселенной след, любая из систем и рассеянные звёздами в небе полосы. я молод, горяч! мои координаты — свобода и страсть, мой компас залит горячей алой жидкостью; и даже когда судьба разевает зубастую пасть, я сильнее, я крепче и на губах своих чувствую кровь её привкусом. меня ждут шторма и штили, великое бремя цунами и течение ровное; меня ждут пожары и молнии, спичек свечение и ночные костры; жизнь ничего не стоит, если ты кончиком уха не чувствуешь смерти дыхание томное, если ты жадно не рвёшься навстречу жизни — давней её сестры. пора сломить закономерности, разорвать привычный круг вещей, хватит просто мечтать, нужно выбрать цель и на неё повесить мишень; живи с людьми, людям вопреки, ради людей;

живи так, будто каждый день —
твой Последний Великий День.

* * *

полнолуние в декабре имеет особый стан; свою гордость, свои тараканы-звёзды в кратерах под вуалью; его дыхание дышит на ладан, и плавится воля, когда-то навечно калённая сталью. лунный свет окропляет дорожку потерянным проклятым душам, он ведёт их навстречу желанному миру, протягивая ладонь; он — Декабрь, превращающий вёсны в стужу, он — ту Моон, сердца превращающий в дикий огонь. я, распятая, лежу под светилом с кровью на молодых губах. Му Моон рисует на коже бликом картины, Декабрь хоронит под снегом страх. его злодеяния автограф — роспись где-то под черепной коробкой, на сердце оставленный бесчисленный кратер; ту Моон — моё Солнце до самого гроба, я буду его злодеяньям соавтор.

спи спокойно, та fleur, дождь успокоит твоё встревоженное сознание, колыбельная, оживая, прорастёт из Вселенной глубин. я буду до последнего вздоха слушать твоё дыхание. лишь бы быть с тобой, лишь бы ты, один.

* * *

звёзды срываются на подушку, испарывая до кишок животы, кровью пропитана белоснеж-

ная простынь; давно забыты на окошке цветы, давно утасило уставшее солнце; в тихую комнату заперта дверь, потух самый важный между стен разговор; из-под подушки достаю револьвер и немедленно стреляю в упор. пуля вспорола черепную коробку, расцвели меж костей белоснежные лилии; вот последнее пристанище волка, больше с судьбой не померяться силами. бликами луна кропит одобренье, светлячок вдруг замер, потом снова кружит; может, в этом прекрасном лилий цветении останется моя жизнь. может, в этих бликах останется память последней прожитой мною ночи; Луна, пока цветы будут пулю плавить, помни меня и молчи.

* * *

ну что же, Август, целованный солнцем; попадали в бездну железные кольца; попадали буквы, одни за другими, слова, предложения, тексты, картинки; попадали взгляды, поцелуи, касания; мы, дети искусства, — искусство бросания,

срывания, нервов, эмоций и страсти; не бежать от безумия, а жить в его пасти.

по стенам, как тени, бегали черти, и Август, глуша стонами звучание трели, ненавидел

смерть и бежал от смерти, но каждую ночь
с ней в одной постели,

пока за окошком звёзды блестели; пока за
окошком кричали, ругались, Август и Май под
одеялом спасались;

спасались взглядами, запахом кожи,

волосами меж пальцев, укусами, дрожью;

на завтрак, обед и ужин — пальцев прикосновения.

мы — дети искусства,

искусства мгновения.

* * *

пусть пять с половиной километров кажутся
вечностью, пусть глухи четыре стены, я знаю,
что время излечит, я знаю, что ещё встретимся
мы; будь спокоен, среди одиноких комнат, ког-
да ночью давит на мысли серый потолок, твоё
сознание ещё что-то помнит, оно помнит, что
ты ничуть не одинок; ты знаешь, что будут ещё
свершения, Великий мир ждёт твоих Великих
открытий, пусть у тебя не будет сомнений —

твои глаза цвета сочной травы непременно целый мир увидят. будет и Амстердам, и Токио, Дублин, Лондон, Париж, будут тихие заросли дальних походов, будут больших городов неоновые огни; будет время, когда ты до самого неба событий легко воспаришь, будет время твоё, и ты эту мысль храни. не падай духом, во Вселенной время течёт иначе, прорастёт надежда, как трава весной, из самых глубин; только помни, не забывай, милый мальчик, что среди стен глухих ты не один.

* * *

у портов с заледенелой водой, там, где ветер легко касается струн, я не жду уже, но и не возвращаюсь домой, чтобы встретить тебя, ту Moon.

корабли разбиваются о волны, похожие больше на удары ножей, они были влюблены в неприступность и тайну; им отчего-то в тебе видятся разновидности миражей, но в Питера Пена не превратиться Каю. тут десятки душ, похороненных под твоим льдом толстым, они просят о помощи, видя меня в порту; а я, слыша их мольбы, молчу, сидя под ветром промозглым, и вглядываюсь в темноту.

я не жду тебя, нет, просто я — бездомный
ребёнок, что толкнёшь — безвозвратно увязнет
в тьме. и, играючи, хожу по льду, а лёд тонок,
пусть и так, мне нет места на этой земле.

пусть и так. Декабрь, потопаи меня вместе с эти-
ми душами; но сначала садись со мной и пого-
вори. не смотри на меня, мне уже не станет луч-
ше, у меня давно промёрзло всё изнутри. ну же,
ты Moon, посмотри на звёзды, пусть и их, пока
что горящих, застелет снега дорога. не плачь,
у тебя сердце — лёд, у тебя мысли — морозы.

как у рядом с тобою сидящего...

* * *

не волнуйся, пройдут невзгоды, не волнуйся,
утихнет шторм, маяк светит, он тебя проведёт
сквозь годы, чтобы ты отыскал свой дом. не
волнуйся, мала рубашка, не волнуйся, тебе не
пять. живи так, чтоб душа нараспашку, всё рав-
но когда-нибудь умирать. пусть не будет вла-
сти над миром, и на танках не рушить дома;
посмотри, как вокруг красиво — это чувств
твоих пелена. всё вокруг — отражение сердца,
все снега, дожди и солнечные лучи, и зимой
ты сможешь согреться, если жар идёт изнутри.

сквозь толпу, одиноко, в наушниках, когда сердце застыло в лёд, среди лиц ты найдёшь отдушину, что свои пальцы с твоими сплетёт.

если станет тебе одиноко, если ты потерял путь домой, посмотри в неба омут глубокий, это я свечу тебе маяком. не тревожься о завтрашнем дне, спи спокойно под светом луны, луч разбудит тебя на заре, это будут ладони мои.

если ночью ты подойдёшь к окошку, потерянными мыслями своим видом, то просто взгляни на луны дорожку — это я свечу тебе маяком.

* * *

Луна — кошачий глаз, в окно мне светит и следит, она мне — демон, что внутри меня сидит, она мне — переехавший меня «КамАЗ». зернятся облака, встречаю между строчек, пытаюсь заглушить безумный вой и тот животный страх, что отражается в моей Селене непорочной, в её уставших ласковых глазах. хороший мальчик помнит заветы дрессировки: дай палкой по хребту, потом целуй те раны, Луна отлично знает эту рокировку и потому смеётся рвано. и я, побитый пёс, скулю у ног богини, пытаюсь позабыть

кошачий глаз — луну, мне хорошо — вдыхаю
цвет полыни. темно, и я один в своём аду.

* * *

говорят, заразителен дурной пример,
и когда-то блевать у падика после вписки
было нормой,
а теперь и сказка к виску своему приставила
револьвер
и пустила пулю реальности прямо себе в подкорку.

осознание Великого больше не умаляет,
приросло, как данность, а может, свело с ума.
принеси, как будет минутка, белые лилии
в мою небольшую палату,
пусть на эту минуту сгинет проклятая тьма.

молодость, в поисках и сомнениях проходит
моя дорогая молодость,
а кто я? а что я? милосердие сердца
или голодная пасть?
я всю жизнь взращивал в себе поганую гордость,
чтобы когда-то взлететь и однажды упасть.

падать вечность, но удариться больно о дно,
пробивая границы сознания арматурой
старой и ржавой.

я рассеиваю тьму, сквозь неё ища отчаянно дом,
чтобы из пепла снова обернуться пожаром.

а кто я? а что я? и для чего я создан?
честно, запутался, но уверенно иду
за волшебным клубком.
искать себя никогда не бывает поздно.
искать себя и найти свой дом.

* * *

когда не будет над городом света,
когда последняя скроется тень,
я напишу свою рапсодию,
которая станет лунным сонетом,
и буду ею кидаться в людей.

мой сонет пронесётся над миром,
возвышая свободу и страсть,
и пока я жива, моя лира
продолжает со мною пылать.

* * *

мои звери злые лают по ночам, чтобы попасть
к себе домой, прогрызают пол, но когда ты
спишь, они по струнке молчат и охраняют
твой сон. дикие пляшут на рёбрах, когда ты
смотришь так, что бьются в квартире стёкла

и плавятся свечи в руках. поцелуи до сломанных ключиц, синяки на крыльях бабочки, отдаю тебе эти ключи — пусть на небе взрываются лампочки. пусть на небе взрываются звёзды, эта темень — затухающая сигарета, дотлевающий пепел прозы и на поезд сожжённый билет. звери жрут его прямо с пожаром, со снами счастливыми и далёкими, вместо дыма плюются паром и сгнившими моими лёгкими и сгнившей сердечной мышцей, от которой толку — эти старые батареи, которые не дают мне подохнуть, но всё равно не греют. пробиваю действительность — кто я? то ли бабочка, то ли волк, то ли рысь. и пока не загрызли насмерть, себе тихо шепчу: проснись. ни тебя нет, ни сопения тихого, это всё мне приснилось наавтра. и если они не доели меня на обед, значит, точно съедят на завтрак.

* * *

есть омут, что скрывается где-то в лесах,
в чистом озере диком,
там,
где лишь скопище светлячков может осветить
тебе
путь.
если ты им

понравишься.
это не детская сказка,
где принц должен спасти
принцессу
и разбудить её
поцелуем.
это исповедь монстра,
который
языком собирает иголки с сосен
и загоняет их себе
под кожу,
в густом тумане
перемалывает шишки
и мешает их
с водкой,
чтобы не помнить другого мира,
в котором есть и другие цвета, кроме
коричневого,
серого,
чёрного
и зелёного.
это цвет болезни и цвет леса,
что, по сути, одно и то же, являющиеся тюрьмой
или
абсолютной свободой,
или
абсолютным бессознательным.

что тянет к огромной чёрной проруби?
прямо посреди чистого озера дикого,
где загнивают и гаснут
случайно попавшие в омут светлячки,
а лесные олени,
гордо живущие среди огромных деревьев,
ломают ноги и шеи
и умирают
три дня.
а Он
пьёт этот омут,
вязкую чёрную жидкость —
кровь,
сделанную из чернил,
которыми этот монстр
пишет себе под кожу
тупые стихи.
Он целует его,
этот омут, но тот
остаётся собой
и становится только чернее.
а тот монстр, что живёт в лесу,
среди огромных сосен,
тумана
и чистого озера дикого,
пытается не нырять
в чёрную кровь,

но делает всё, чтобы омут
нырнул
в него.

* * *

мы танцевали на диких пляжах, кружились, вдыхали запах ветров, океанов, горных баров и облаков, диких трав, что нам подносили с вином из хмеля, из хмеля постели, что нам накрывали, и дикие звери порой охраняли наш сон, охраняли мои кошмары и выли, и вой их сливался с треском костра и песней Селины, что мне по крови сестра, и мать моя... с её молоком мы впитали то истинно важное, что не понять другим: пламя, безумие, и то, кем мы стали, куда хватило сил. потом — вода, и в древних пещерах, где в агонии дикой мы языками чертили на скальные рисунки, прятались от проливного дождя, возводили языческих идолов, целовали им губы, целовались в уста, пока в ярком пламени Боги не показали, кем же мы стали, что нет никакого Солнца, есть две стороны Луны, что Луна — есть Солнце, а Солнце — есть мы. приносили свои жизни в жертву, пили кровь, будто это вода, нам все Боги трескуче шептали, что узы кровные будут всегда.

а на следующий день мы танцевали на диких
пляжах, кружились, вдыхали запах океанов,
ветров,
огня, деревьев и кабаков,
кожи, пещер, крови,
и эти запахи смешались однажды в заповеди,
которую я постигла и ты постиг,
а на следующий день на стенах
языками выводили их.

и так ещё три вечности.

* * *

хожу пятый день в той же футболке,
и иглы внутри на поверхность прорываются
толстые.

они рвут полость,
оставляют кровавые полосы
и формируют броню.

моя кожа — что у старого дрянного ботинка,
подошвы грубой половинка,
нерушимая плотина,
а сердце — вовсе не хрупкая льдинка,
а нерушимая сталь.

мои волосы — мой флаг: чёрный, смольный,
теперь наша жизнь называется бойней,

это моя война, и я пустила тут корни,
и тут же подохну когда-нибудь.

в моём мире нет ни танцев, ни песен,
только черти день и ночь куролесят,
демоны, дьявол и бестии,
все живут в моей крепости,
и тут нам всем хорошо.

* * *

посреди озера дикого,
в лесах, где не видно следа человеческого,
я вглядываюсь в гладь,
мне давно за шестнадцать,
но в этой воде
два зрачка-светлячка
смотрят на меня
из детства,
светятся жёлтым
среди голубо-серой воды.
моё детство
скалит зубы
и улыбается,
приглашая меня
в прошлое.
и ни отвести взгляд,
ни убежать,
вдруг присмиреть

и принять свою смерть:
своего будущего,
взрослости
и
бессмертия,
зачатки которого оставлены на берегу,
в тетради,
или
в зрачке Вселенной.
я не знаю,
или не помню,
или мне всё равно,
потому что моё голодное детство
обещает мне преданных верных друзей,
классного парня
или
классную девчонку
и много сахарной ваты.
и я соглашаюсь,
ныряю за ним,
и больше
птицы меня не видели.
и улетели.

* * *

трудно заблудиться среди трёх зимних берёз,
но люди
умудряются.

я стою среди трёх сосновых лесов,
их хвоинки
зелёного цвета
настолько густые,
что больше похожи на огромные прокрывала,
но если ими накрыться,
иголки проткнут сердце
и печень,
и горло.
кровь будет течь вязкая,
цвета переспелой розы,
у которой опадают лепестки
в центр озера,
где их перемалывает
водяная воронка, превращая в терпкое
вино.
сосны ветвями
собирают бережно иглы
с мёртвых роз,
чтобы воткнуть их в своё тело
и выстоять эту жизнь
ещё тысячу лет,
а я
ем с бережных роз
мёртвые иглы,
чтобы обороняться от себя
изнутри.

мне не видно неба, только затянувшиеся лепестки
лежат на моих веках,
будто монеты,
покоившиеся на глазах перед плаванием
покойного.
течение уносит меня от берега
к центру,
где омут уже поглотил воронку и всё,
что она вобрала в себя
за целую Вечность.
он гладит мои волосы,
целует лепестки на моих веках
и слизывает кровь,
губами касается каждого участка тела
одновременно.
потому что поглотил меня,
а лес
сгорел.

* * *

маленькая воровка побывала в каждом доме
планеты,
лапками захватила свою добычу.
и воровок таких миллионы, летящих к свету,
тайком проникающих в каждое из жилищ.

они крадут колюще-режущие предметы,
конкретнее — ножницы, чтобы потом

наше тело и разум давно уже ходят порознь
до последнего выстрела
прямо,
в упор.

* * *

Никто ничего не видел.
Я просто сижу в квартире
Но кто же тогда на виселице,
Ну кто же тогда навеселе?
В этой комнате ровно пять стен,
И пятая передо мной.
Она сделана из костей,
Она прочнее всех крепостей.

Повисла на люстре, кайфово
В окно на прохожих смотреть.
По крайней мере, я дома,
По крайней мере, я бомба,
И даже в каком-то смысле
Я сверху на них смотрю.
Кидаю в окно свои мысли,
Они мне весь мозг прогрызли.

А верёвка прогрызла шею.

* * *

стоп. никаких неловких молчаний,
недосказов и страшных сказок.
я то в радости, то в отчаянии;
не то поможет тут кнут, не то твоя ласка.

и мне в сне иногда представляется,
будто утро, на кухне ты за плитой,
и на плите что-то медленно варится,
на столе бутерброд с колбасой.

или спишь ты, а я тебе утром
кофе в турке варю первый раз
по инструкции, взятой с Ютуба.
только кофе сбежал на палас.

или вот мы руками неловко
прикасаемся, будто случайно.
будто это не жизнь — просто книжка на полке,
а её содержание — тайна.

а в другом сне мне представлялось,
что мы в парке лежим на траве,
и вокруг ни забот, ни усталости.
отдаю своё сердце, а ты своё мне.

голова на твоих коленях —
это я отдыхаю от будней,

и нас ест увлечённость и лень,
чтоб уснули мы только под утро.

и мне снится, что это реальность,
что всё это прожито нами,
и бросаюсь я из крайности в крайность,
всё мечусь между мирами.

может, хватит неловких молчаний,
недосказов и страшных сказок?
сны то радостные, то отчаянные,
мне хоть грубость твоя, хоть ласка.

всё загадка.

* * *

и я с колокольни своего опыта
мчусь по дороге,
и так же безропотно —
к пустому холодному людному городу.
и там в переулках
ищу тебя, только свет мой потух,
и пью, теряясь в своих
абсолютно глухих,
депрессивных и жалких потугах.
сердце протухло.
я слышу шаги.

и сдерживаться не представляется больше

ВОЗМОЖНЫМ.

господь не поможет.

ты кормился исправно:

по три раза в день,

так что блевал потом по туалетам

своей сытной съеденной ложью.

ты не бог и не брошенка,

и вся жизнь впереди.

мне так тоже казалось,

и теперь

я жру иглы сосновые,

чтоб защититься от себя изнутри.

и весь свет позади,

и я всё так же безропотно

мчусь по дороге,

промёрзнув от холода,

тактильного голода.

ты — эшафот.

я опять потеряю

свою безобразную буйную голову.

Луна в небе полная

простит меня.

спасибо.

мне всегда хотелось погибнуть,

глядя на что-то красивое.

я бессильна.

моросит,

но я мчусь, и я мчусь, и боюсь не успеть,
будто гончие сзади,
будто за мной охотится смерть
и хочет, мечтает прижать наконец
моё тело к скрипучей кровати.
и прижимает к асфальту холодному.
есть я и есть смерть, и мы обе так голодны.

прости,

что я не доехала
до твоего пустого
людного
холодного города.

* * *

так удивительно: ты лёгким касанием
пробуждаешь меня к жизни.
знаешь, я ни черта не понимаю, но просто
следую за твоим ведением.
мы не взрослые, и решения — просто детские
истерики и капризы,
больного сознания на сон грядущий кипение.

я как будто сквозь леса, чащи бреду
в полутёмках предлунных,
трава проросла по пояс, колосья щекочут грудь,
и время от времени кажется, что дойти
мне не хватит духа,
и мой разум не может решить: то ли лес,
то ли ночь, то ли я прерываю свой путь.

щебетание, трель, ночной мир закончится
с последним криком,
и костёр самодельный воспыхает до самых
небес,
мы останемся в этом лесу только дымом
да лунным серебряным бликом,
на древе жизни кровавым уродливым срезом.

Содержание

«Если бы тогда, в городском парке...»	3
«Метафоры разбиты в единицы...»	3
«В нирване пробуждаются раскаты грома...»	4
«Мне нравятся ромашки на твоих ключицах...»	6
«Есть мнение, что если я буду много раз...»	7
«Мотыльки не глупые, они просто мечтатели...»	8
«Я вплетаю полевые цветы в твои волосы...»	9
«Мне нравится, что в те часы...»	10
«В голове заевшая пластинка — песня...»	10
«Когда звёзды угаснут, повергнув...»	11
«Много времени я искала...»	12
«Всё ведь довольно относительно, верно?...»	13
«Бессмертие – сколько вложено в это слово?!»	21
«Нарушено обещание, снова...»	24
«Я стал похож на похоронную процессию...»	24
«Рёв и бешеные раскаты валов...»	26
«Из всех известных-безызвестных убийц...»	27
«Я напишу о тебе нестих...»	28
«люди умирают по понедельникам...»	28
«глупые стихи рвутся наружу...»	29
«несносный ублюдок...»	31
«царапая голени о руины столетних зданий...»	32

«Обычный вечер, фоновая музыка...»	33
«По подворотням города безлюдного...»	34
«Она ушла, не завязав шнурки...»	34
«дорогая, прости, но, наверное, это конец...»	35
«вот и всё...».....	36
«поднимаюсь на крышу и четко вижу цель...»	37
«тёмная ночь не успокоит безумный город...».....	39
«молчать. вот так вот просто...»	40
«carpe diem — шепчут нам мёртвые поэты...».....	40
«сколько дней в этом мире ты любила меня...»	42
«ты знаешь, как мне страшно зачерстветь?...».....	43
«в безумии хаоса дикого бреда по заросшей тропе...».....	44
«этот Декабрь бьёт пощечиной...»	46
«я — поэт, и за каждую строчку мне распинают душу...»	47
«в темноте злые звери прячутся по углам...».....	48
«мы — две полярности: не сошедшиеся, не разошедшиеся...»	49
«мы не... мы точно не друзья и никогда ими не были...»	50
«по какой-то причине эта жизнь с каждым днём всё более невыносима...».....	51
«корабли разбиваются о мои воды, будто железобетонные...»	52
«я искал себя, заглядывал во все магазины...»	54
«влюбилась и тут же свалила...»	56

«наши лица, давно превратившиеся в фантомы...»	57
«листья срываются с дерева, ложась на водную гладь...»	59
«в отражении зеркала изломанного давно уже себя не вижу...»	62
«полнолуние в декабре имеет особый стан...»	64
«звёзды срываются на подушку, вспарывая до кишок животы...»	64
«ну что же, Август, целованный солнцем...»	65
«пусть пять с половиной километров кажутся вечностью...»	66
«у портов с заледенелой водой, там, где ветер...»	67
«не волнуйся, пройдут невзгоды...»	68
«Луна — кошачий глаз...»	69
«говорят, заразителен дурной пример...»	70
«когда не будет над городом света...»	71
«мои звери злые лают по ночам...»	71
«есть омут, что скрывается где-то в лесах...»	72
«мы танцевали на диких пляжах, кружились...»	75
«хожу пятый день в той же футболке...»	76
«посреди озера дикого...»	77
«трудно заблудиться среди трёх зимних берёз...»	78
«маленькая воровка побывала в каждом доме планеты...»	80

«Никто ничего не видел...»	82
«стоп. никаких неловких молчаний...»	83
«и я с колокольни своего опыта...»	84
«так удивительно: ты лёгким касанием пробуждаешь меня к жизни...»	86

Валентина Николаевна Буракова (Феникс)
Омут

Редактор Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева
Обложка Алексея Кирилова

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 25.06.2020 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № 12137

ISBN 978-5-907297-31-9

9 785907 297319